

Прокл

НАЧАЛА ТЕОЛОГИИ

[А. О ЕДИНОМ И МНОГОМ]

1. Всякое множество тем или иным образом приобщено к единому.

Если оно не приобщено к нему никоим образом, то ни все множество в целом, ни каждая из составляющих его многочисленных частей не будут едиными, но каждая часть будет множеством и так до бесконечности, в результате чего каждая из бесконечного числа частей окажется, в свою очередь, бесконечным множеством. Действительно, если множество никак не приобщается ни к какому единому – ни само по себе как целое, ни в одной из своих частей, то оно будет всецело и во всем бесконечным. Какую бы из многочисленных частей множества мы не взяли, каждая будет либо единой, либо не единой, и если не единой, то либо множеством, либо ничем. Но если каждая часть ничто, то и состоящее из частей ничто. Если же каждая – многое, то состоит из бесконечного числа бесконечных. Однако ни то, ни другое невозможно: никакое сущее не состоит из бесконечного числа бесконечных (ведь невозможно быть больше бесконечного, а состоящее из всех – больше каждого в отдельности¹); и не может что-то состоять из ничего. Следовательно, всякое множество каким-то образом приобщено к единому.²

2. Все приобщенное к единому и едино, и не едино.

Если приобщенное к единому не есть единое само по себе (ведь оно приобщается к единому, поскольку само есть что-то помимо единого), то это значит, что оно усвоило единство в результате приобщения и испытало становление единым. Итак, если оно не является чем-то помимо единого, то оно – только единое и в таком случае не приобщено к единому, а есть само единое. Если же по сравнению с единым оно является чем-то, что не есть единое, то тем самым оно не едино и не есть то же самое, что единое. Будучи таким образом одновременно и единым, и приобщенным к единому, и в силу этого не являясь единым самим по себе, оно и едино, и не едино, будучи чем-то еще помимо единого. Поскольку в нем есть что-то помимо единого, оно не едино, а поскольку оно усвоило единство, едино. Следовательно, все приобщающееся к единому и едино, и не едино.

3. Все становящееся единым становится единым через приобщение к единому.

Становящееся единым едино не само по себе, а поскольку испытало приобщение к единому. В самом деле, если единым становятся вещи, которые сами по себе единым не являются,³ то они образуют единство, сходясь и сообщаясь друг с другом, то есть принимают присутствие единого, не будучи тем же, чем оно. Таким образом они приобщаются к единому постольку, поскольку претерпевают становление единым. Ведь если они уже единое, то не могут стать единым, ибо ничто не становится тем, что уже есть. Если же они становятся единым из прежнего не-бытия единым, то приобретают единство благодаря появлению в них чего-то единого.

4. Все объединенное отличается от самого по себе единого.

Как объединенное, оно должно быть тем или иным образом приобщено к единому, почему и зовется объединенным (теор. 3). Но приобщающееся к единому и едино, и не

едино (теор. 2). Само же единое не может быть единым и не единым. Ибо если оно едино и не едино, то и в нем единое снова будет и тем, и другим, и так до бесконечности, поскольку не будет самого по себе единого, на котором можно было бы остановиться, но всякое единое будет одновременно и не единым. Итак, объединенное есть нечто отличное от единого. Ведь если единое будет тем же, что и объединенное, то оно будет бесконечным множеством, как и каждая из вещей, из которых состоит объединенное.

5. Всякое множество вторично по отношению к единому

Если множество раньше единого, то единое будет приобщаться ко множеству, а множество, которое раньше единого, не будет приобщаться к единому, поскольку до того, как стать единым, оно уже существует как множество. Ведь не может же оно приобщиться к тому, чего нет. Более того: приобщающееся к единому одновременно и едино, и не едино (т. 2), но единого еще нет, ибо множество – первое. Однако невозможно, чтобы множество тем или иным образом не было приобщено к единому (т. 1). Следовательно, множество не раньше единого.

Если множество существует вместе с единым, и они одновременны друг другу по природе⁴ (потому что быть одновременными по времени им ничто не мешает), то ни единое само по себе не будет многим, ни множество единым, как одновременно противопоставленные друг другу по природе начала, раз уж ни одно из них не раньше и не позже другого. В таком случае множество само по себе не будет единым, и каждая из входящих в него частей не будет единой и так до бесконечности, что невозможно. Следовательно, множество по природе приобщается к единому, и в нем нельзя найти ничего, что не было бы единым, потому что будь оно не единым, оно было бы бесконечным множеством бесконечных, как показано выше (т. 1). Поэтому множество всегда приобщено к единому.

С другой стороны, если единое, будучи единым самим по себе, никаким образом не будет приобщено ко множеству, то множество будет во всех отношениях позже единого, поскольку оно приобщается к единому, а единое к нему – нет.

Если же и единое приобщается ко множеству, то, будучи по существу (ὄνταξις) единым, а по приобщению – не единым, оно будет умножившимся, так же как множество объединено благодаря единому. В результате единое будет находиться в общении со множеством, а множество – в общении с единым. Но если сходящиеся и некоторым образом сообщающиеся друг с другом вещи сводятся вместе чем-то третьим, то это третье будет раньше их, а если – сами собой, то они не противоположны друг другу (потому что противоположности не спешат сойтись друг с другом). Поэтому, если единое и многое противостоят друг другу так, что ни множество, поскольку оно множество, не едино, ни единое, поскольку оно единое, не есть многое, и ни одно не появляется в другом, то они будут сразу и одним, и двумя. Тогда, если сводящее их воедино будет прежде них, то оно будет либо единым, либо не единым. И если не единым, то либо многим, либо ничем. Однако оно не может быть ни многим, иначе множество оказалось бы раньше единого, ни ничем, ибо как ничто может сводить что-либо воедино? Следовательно, оно только единое, потому что это единое уже не может быть многим, чтобы нам не уйти в бесконечность. Выходит, оно будет самым единым, и всякое множество будет происходить от самого единого.

6. Всякое множество – или из объединенных или из генад.⁵

Что каждый из членов множества и сам не будет только множеством, и каждый из его членов – снова множеством, понятно (теор.1). Если же он – не только множество, то или нечто объединенное или единица (генада). Если он приобщен к единому, то он – объединенное, а если является тем, из чего состоит первое объединенное, то он – единица (генада). В самом деле, если есть само по себе единое (теор.4), то есть и первое

приобщенное к нему, и первое объединенное. Оно-то и состоит из генад, потому что если оно состоит из объединенных, то объединенные – опять из чего-то, и так до бесконечности. Поэтому первое объединенное должно быть из генад, и таким образом начальное утверждение доказано.

[В. О ПРИЧИНАХ]

13. Всякое благо объединяет приобщающееся к нему, поэтому всякое единение – благо и благо тождественно единому.

Если благо есть то, что сохраняет все сущее (отчего оно и является всеобщим предметом стремления), а сохраняет и поддерживает бытие каждой вещи единое (потому что благодаря единому все сохраняется, а рассеяние лишает вещь бытия), то в чем бы не присутствовало благо, оно делает это единым и удерживает в бытии благодаря единению. С другой стороны, если единое собирает и поддерживает в бытии все сущее, то тем самым своим присутствием оно делает каждую вещь совершенной; так что быть объединенными для всех вещей – благо.

Далее: если единение само по себе есть благо, и благо есть объединяющее, то просто благо и просто единое тождественны, поскольку оба одновременно и объединяют сущее, и наделяют его благом. Отсюда следует, что вещи, каким-то образом отпавшие от блага, тем самым лишаются и приобщения к единому; а вещи, не имеющие доли в едином и зараженные распадом, тем самым лишаются блага. Таким образом благость есть единение, а единение – благость, и потому благо есть единое, а единое – первично благое.

18. Все, что обеспечивает других своим бытием, само в первую очередь есть то, чем наделяет обеспечиваемых.

Если оно наделяет своим бытием и делает это из собственной сущности, тогда то, чем оно наделяет, слабее его собственной сущности, а то, что есть оно само, оно есть в более сильной и совершенной степени, поскольку все гипостазирующее превосходит природу гипостазируемого. Таким образом то, что заранее есть у наделяющего, лучше того, чем оно наделяет: будучи тем же, чем и передаваемое свойство, оно не тождественно ему, поскольку является первичным, а то – вторичным. В самом деле, или оба должны быть одним и тем же и иметь одно определение, или между ними не должно быть ничего общего и тождественного, или одно должно существовать первично, а другое вторично. Но если у них будет одно и то же определение, то одно больше не будет причиной, а другое – следствием, и одно не будет существовать само по себе, а другое – в приобщившемся, и одно не будет создающим, а другое – возникающим. Если же у них нет ничего тождественного, то одно не будет гипостазировать своим бытием другое, так как последнее не будет иметь ничего общего с бытием первого. Остается, стало быть, чтобы то из них, что своим бытием обеспечивает чем-то другое, было тем, чем оно наделяет, в первую очередь, а обеспечиваемое – тем, чем наделяющее, во вторую.

23. Все неприобщимое дает от себя существование всему приобщимому и все приобщимые ипостаси восходят к неприобщимым сущностям (ὁπάρξεις).

Неприобщимое, которое имеет смысл единицы как принадлежащее самому себе, а не иному, и как изъятое из приобщающихся к нему, порождает способное быть приобщимым, потому что оно либо остановится в самом себе, оставшись бесплодным, и будет лишено какой-либо ценности, либо будет уделять нечто от себя, так что получившее будет приобщающимся, а отданное будет существовать как приобщимое.

Всякое же приобщимое, став принадлежностью приобщившегося к нему, вторично по сравнению с тем, что одинаково присуще всем и все собой наполняет. Потому что существующее в одном отсутствует во всех остальных, а одинаково присущее всем, так чтобы озарять всех, существует не в одном, а прежде всех. В самом деле, оно либо во всех, либо в одном из всех, либо прежде всех. Но заключенное во всех поделено между всеми, а значит нуждается в чем-то ином, что объединяло бы разделенное. В этом случае все больше не будут приобщены к одному и тому же, но один будет приобщен к одному, а другой – к другому, поскольку единое разделилось. Если же оно – в чем-то одном, то принадлежит не всем, а одному. Поэтому, если оно является и общим для всех способных приобщиться к нему [вещей], и одним и тем же во всех, то оно будет существовать прежде всех, а это и есть неприобщимое.

[С. Об исхождении и возвращении]

25. Все совершенное приступает к порождению того, что способно произвести, подражая единому началу всего в целом.

Так же как начало всего в целом единообразно гипостазирует все сущее в силу собственной благости (ведь если благо и единое тождественны (теор. 13), то и единообразное действие тождественно благообразному), так и следующие за ним начала в силу собственного совершенства спешат породить то, что уступает их сущности. Ведь совершенство есть некая доля блага, а значит совершенное подражает благу в качестве совершенного. И раз благо гипостазирует всё (теор. 12), то и совершенное естественным образом производит всё, что способно произвести. При этом более совершенное производит настолько же больше следствий, насколько большим совершенством обладает. Ведь более совершенное в большей степени приобщено к благу, а значит ближе к нему, а значит более родственно причине всего, а значит является причиной большего. И наоборот, менее совершенное производит настолько же меньше следствий, насколько оно менее совершенно, потому что, будучи более удаленным от производящего всё, оно гипостазирует меньшее число вещей. В самом деле, тому, что гипостазирует, украшает, совершенствует, содержит, животворит и создает всё, более сродни делающее то же самое для большего числа вещей, и более чуждо делающее это для меньшего.

Королларий. Отсюда ясно, что наиболее удаленное от начала всех вещей бесплодно и не является причиной чего бы то ни было. Ведь если оно порождает после себя некое следствие, то само, очевидно, уже не является наиболее удаленным от первоначала, но произведенное им отстоит от первоначала дальше, а оно – ближе, поскольку, производя другое, оно подражает производящей причине всего сущего.

26. Всякая производящая причина иного производит следующее за ней и дальнейшее, пребывая в самой себе.

Если она подражает единому, а единое дает ипостась следующему за ним, оставаясь неподвижным, то и любое производящее будет заключать в себе причину происхождения таким же точно образом. Но единое действительно приводит в бытие, оставаясь неподвижным. В самом деле, если оно делает это через движение, то или в нем самом есть движение и тогда, двигаясь, оно изменится и больше не будет единым, или движение – после него, и тогда само движение будет из единого, и либо придется идти в бесконечность, либо [признать, что] единое производит неподвижно. И все производящее будет подражать единому, производящей причине всего в целом. Ведь то, что не первично, всегда происходит от того, что первично, а значит производящее нечто определенное происходит из производящего все. Выходит, все производящее производит последующее, пребывая в самой себе.

Королларий. Отсюда следует, что производя вторичное, производящие причины не ослабевают, потому что хоть сколько-нибудь ослабевшее не может пребывать таким, каково оно есть.

27. Все производящее производит вторичное из-за совершенства и избытка силы.

В самом деле, если бы оно производило не из-за совершенства, а из-за недостатка силы, то не смогло бы сохранять свой разряд неизменным. Ведь то, что обеспечивает бытие другому из-за недостатка и слабости, дает ему существовать за счет собственного изменения и превращения. Однако все производящее пребывает таким, каково оно есть, и следующее за ним происходит [из него], не нарушая его постоянства (теор. 26). Выходит, оно дает существование вторичному неподвижно и без ущерба для себя вследствие собственной полноты и совершенства, пребывая тем, что оно есть, и не превращаясь во вторичное и не ослабевая. Действительно, производимое не есть ни отделившаяся часть от производящего (такое не свойственно даже становлению и причинам становления), ни его превращение, так как [производящее] не становится материей для исходящего из него, но пребывает таким, каково оно есть, так что производимое становится иным по отношению к нему. Итак, порождающее пребывает неизменным и неослабевающим, умножая само себя посредством врожденной силы и производя из самого себя вторичные сущности.

---

¹ Целое, по определению, больше части. Поэтому, если каждая часть бесконечна, то целое, состоящее из таких частей, будет больше бесконечного. Утверждение, что целое больше части, принимается Проклом без доказательства, в качестве аксиомы. К числу таких «скрытых» или подразумеваемых аксиом относится и утверждение о невозможности возникновения чего-то из ничего. См. сразу ниже.

² Византийский богослов XII в. Николай Мефонский, видя в этой теореме угрозу христианскому учению о Троице как Начале и Первопричине всего сущего, в специальном сочинении «Опровержение *Начал теологи* Прокла» замечает, что единое, подразумеваемое в данном доказательстве, берется как противоположное множому, то есть как существующее одновременно с ним, а не как превышающее и опережающее его по бытию. Следовательно, это доказательство ничего не говорит нам о подлинной природе первоначала. См.: *Nicholas of Methone. Refutation of Proclus Elements of Theology*, ed. Angelou Ath. D., Athens – Leiden: Brill, 1984, p. 5-6: «И то, что этот мудрец доказывает относительно множества, ничуть не угрожает нашим рассуждениям о Троице. Ибо Она есть не только Троица, но и превышает и троицу, и множество, и все число. Поэтому Она не подпадает под «всякое множество», чтобы тем самым приобщаться к единому, но остается сверхобособленной от всякого множества и не приобщается к единому, но сама есть единое, скорее же, превосходит любое единое, поскольку в то же время и не едина, но не потому что уступает единому, а потому что сверхобособлена от того единого, которое противоположно множеству и тем самым однопорядково и однородно ему. Доказательство выдвинутого тезиса начинается с разделения. Говоря «каждая из многих частей», [Прокл] делит множество на отдельные части, из которых оно состоит и на которые может быть поделено. Затем, беря каждую из этих частей, он называет ее либо единой, либо не единой, то есть приобщает к разделению еще и требование противоположения (взаимоисключения). Вслед за этим он точно так же подразделяет не единое (которое, очевидно, оказалось противоположным единому) на многое и ничто. Отсюда ясно, что то единое, которое заранее обособлено от противоположного и соотнесенного с множеством единого, не охватывается этим доказательством, поскольку оно вообще превосходит всякое разделение и доказательство. Так что относительно него не выполняется и требование противоположения (взаимоисключения)».

³ Здесь негласно подразумевается, что все становящееся единым есть многое. Но, как следует из предыдущей теоремы, становится единым может только то, что не является единым по сущности. Отсюда вывод: все не-единое и становящееся единым (т.е. приобретающее предикат единства) тем самым многое. Это будет играть важную роль в теореме 6, при обосновании необходимости генад.

⁴ *συστοιχα* – рядоположенными, или одновременными по природе являются пары противоположных начал у пифагорейцев: нечетное- четное, прямое-кривое, правое-левое и т.д., (*Аристотель*, *Метафизика*, I, 5, 986a 23-24). В этой важной теореме Прокл показывает, что единое-многое не могут быть признаны такой парой, поскольку единое раньше множества и значит, взятое само по себе, не составляет противоположности множеству. Единое таким образом – единственная причина всего, но это не то единое, которое

противоположно множеству, а единое, выходящее за пределы указанной противоположности, то есть Единое как Абсолют.

⁵ *ένάς* - букв. единица, единичность. Мы оставляем это слово без перевода, поскольку в системе Прокла генады – это особые сущности, образующий самостоятельный уровень реальности наряду с Единым, Умом, Душой и Космосом.